

Е. Спекторский

**Номинализм и реализм в
общественных науках**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Е11

Е11 **Е. Спекторский**
Номинализм и реализм в общественных науках / Е. Спекторский – М.: Книга
по Требованию, 2015. – 40 с.

ISBN 978-5-458-54906-6

ISBN 978-5-458-54906-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

fungunt simul creduntque. Реалисты обвиняют номиналистовъ въ идолопоклонствѣ передъ фактами, которые имъ, реалистамъ, сами по себѣ, какъ таковые, представляются чѣмъ-то совершенно неубѣдительнымъ и даже бессмысленнымъ.

Очевидно, со споромъ между номинализмомъ и реализмомъ сплетается цѣлый рядъ другихъ, но по существу родственныхъ научныхъ и философскихъ проблемъ. И подобно тому какъ Лаасъ находилъ возможнымъ сводить всѣ противорѣчія въ мысли и жизни къ платонизму и антиплатонизму¹⁾, можно свести если не всѣ, то многія изъ нихъ къ широко понятой противоположности номинализма и реализма. Такъ, напримѣръ, если обратиться къ понятію науки, то для номиналиста оно представляетъ не болѣе какъ словесное обозначеніе суммы различныхъ ученыхъ школъ или даже просто индивидовъ, высказывающихъ по различнымъ вопросамъ различныя мнѣнія, которыя иногда сходятся другъ съ другомъ, иногда же и расходятся. Для реалиста же несомнѣнно, что дѣйствительно существуетъ наука, какъ таковая, самодовлѣющая наука, вопросъ о которой впервые поставили ребромъ софисты. Реалистъ вѣрить въ науку, въ то, что она движется впередъ, прогрессируетъ. И на отдѣльнаго ученаго онъ смотритъ какъ на представителя этой самосущей, субстанціальной науки, какъ на ея выразителя и носителя. Подобнымъ же образомъ и истина для реалиста дѣйствительно существуетъ. И онъ повторяетъ вмѣстѣ съ Гербертомъ Чербери: *Est Veritas, Veritas est*²⁾. А номиналистъ повторяетъ вмѣстѣ съ Пигасовымъ изъ Тургеневского «Рудина»: «слово-то есть, да самой вещи нѣтъ».

Когда, напримѣръ, Кантъ призналъ всеобщими такіе элементы познанія, которые реальны не апіорною реальностью *ante res* и не индуктивною реальностью *post res*, а трансцендентальною реальностью *in rebus*, онъ въ извѣстной степени тоже рѣшалъ споръ между номиналистами и реалистами; и онъ рѣшалъ его въ духѣ примирительнаго концептуализма. Когда Гердеръ усмотрѣлъ во всей Кантовой философіи не болѣе какъ «пустыя слова изъ буквъ»³⁾ или «образчикъ искусной фантазіи изъ буквъ»⁴⁾ и отвергалъ гносеологію трансцендентальной философіи во имя гносеологіи словъ и рѣчи, онъ, очевидно, становился на точку

¹⁾ «Идеализмъ и позитивизмъ», стр. 7 русскаго перевода первой части.

²⁾ *De veritate, prout distinguitur a revelatione, a verisimili, a possibili et a falso. Editio tertia, 1656, стр. 9 и 260.*

³⁾ «Kalligone», VI («Werke, zur Philosophie und Geschichte», Carlsruhe, 1820, XV).

⁴⁾ *Verstand und Erfahrung, Vernunft und Sprache. Eine Metakritik zur Kritik der reinen Vernunft, XVIII («Werke, zur Philosophie und Geschichte», XIV).*

зрѣнія крайняго номинализма. Когда Гегель воссоединилъ Кантовы феномены и ноумены для того, чтобы всецѣло растворить первые въ послѣднихъ, и когда онъ свелъ весь эмпирический міръ къ феноменологiи духа, къ объективации идеи, или когда онъ давалъ свое ноуменальное опредѣленіе всеобщаго въ вещахъ¹⁾, онъ, очевидно, возродилъ съ силою и славою философскій реализмъ. И даже, какъ замѣтилъ одинъ изслѣдователь номинализма и реализма, именно у него реализмъ достигъ своего апогея²⁾. Чуть ли не всѣ проблемы эстетики сводятся къ спору между номинализмомъ и реализмомъ красоты. Номиналисты не признаютъ красоты самой по себѣ, какъ чистой Платоновой идеи, которой болѣе или менѣе причастны отдѣльныя явленія природы или произведенія искусства, которыя потому именно и именуются красивыми. Имъ просто кажется, что извѣстныя явленія и произведенія вызываютъ у людей болѣе или менѣе сходныя эмоціи, которыя можно объединить подъ общимъ собирательнымъ названіемъ красоты. Сообразно съ этимъ ихъ теорія искусства индуктивна и тяготеетъ къ сліянію эстетики съ психологіею или социологіею искусства. Для реалистовъ, напротивъ, красота, какъ таковая, сама по себѣ, есть основной принципъ и источникъ всѣхъ эстетическихъ сужденій. Сообразно съ этимъ ихъ теорія искусства дедуктивна и притязаетъ на значеніе каноники художественнаго творчества и воспріятія.

Подобнымъ же образомъ почти всѣ проблемы этики связаны съ номинализмомъ или реализмомъ добра и зла. Моралистъ реалистическаго типа смотритъ на добро какъ на нѣчто дѣйствительно реальное, объективное *ante res*; и всѣ человѣческіе поступки квалифицируются имъ какъ добрые или злые въ зависимости отъ того, причастны ли они этой реальности или нѣтъ. Между тѣмъ моралистъ номиналистическаго типа неизбежно становится на точку зрѣнія эмпирической, эволюціонной морали, которая не исходитъ казуистически отъ нормы къ поведенію, а, напротивъ, восходитъ казуально отъ поведенія къ нормѣ, понимаемой не какъ общеобязательное, универсальное правило челоуѣческаго поведенія, а просто какъ обобщеніе обычнаго поведенія тѣхъ или иныхъ людей въ ту или иную эпоху или въ томъ или иномъ мѣстѣ. Сообразно съ этимъ для вполнѣ послѣдовательнаго этическаго номиналиста нѣтъ и не можетъ быть никакихъ моральныхъ императивовъ. Если же онъ все-таки признаетъ ихъ необходимость,

¹⁾ Das Allgemeine der Dinge ist nicht ein Subjectives, das uns zukäme, sondern vielmehr als ein dem transitorischen Phänomen entgegengesetztes Noumenon das Wahre, Objective, Wirkliche der Dinge selbst.

²⁾ Nominalismus und Realismus in der neuesten deutschen Philosophie, von Hugo Spitzer, Leipzig, 1876, стр. 32.

то ему трудно обосновать эту свою непослѣдовательность. И ему только и остается, что меланхолически повторять слова Просперо изъ философской драмы Ренана *L'eau de jouvence: il faut toujours prendre le parti le plus vertueux, sans être sûr que la vertu soit autre chose qu'un mot*¹⁾).

И въ психологіи идетъ борьба между номинализмомъ и реализмомъ. Для номиналиста возможна и необходима только та психологія безъ души²⁾, о которой училъ еще Вивесъ: *anima quid sit, nihil interest nostra scire: qualis autem, et quae eius opera, per multum*³⁾). Для номиналиста душа — это не болѣе какъ *flatus vocis, vox et praeterea nihil*, звуковое обозначеніе для суммы болѣе или менѣе однородныхъ явленій, начиная отъ элементарныхъ ощущеній и кончая высшими сознательными актами. И всякія попытки приурочивать эту сумму явленій къ душѣ, какъ особой субстанціи или гипостаси, рѣшительно осуждаются какъ ненаучная метафизика. Реалисты, напротивъ, рассуждаютъ какъ Лотце, который рѣшительно отказывался понимать душу только какъ результатъ многихъ слагаемыхъ. Для нихъ душа — это несомнѣнно существующая первичная субстанція, *ens realissimum* въ психической жизни. Всѣ явленія этой жизни, по ихъ убѣжденію, потому именно и только потому называются и могутъ называться душевными явленіями, что они представляютъ частныя проявленія психической универсалии, акциденціи этой субстанціи. И посему, утверждаютъ они, безъ признанія реальности души нѣтъ душевныхъ явленій, нѣтъ и не можетъ быть психологіи какъ особой науки. Реалисты гипостазируютъ не только душу, но еще и отдѣльныя душевныя способности — вродѣ мышленія, чувства и воли, къ которымъ, подобно частямъ души у Платона, ими нерѣдко приурочиваются спеціальныя добродѣтели — истина, красота, добро. Такіе же типичные номиналисты въ психологіи, какъ Гербартъ, совершенно отрицаютъ какія бы то ни было душевныя способности, такъ какъ видятъ въ нихъ не болѣе какъ олицетвореніе родовыхъ обозначеній душевныхъ явленій.

Если обратиться къ біологіи, то, напримѣръ, понятіе жизни и здѣсь вызываетъ споръ между номиналистами и реалистами. Реалисты смотрятъ на жизнь какъ на особую производящую силу, вызывающую жизненные процессы у извѣстныхъ существъ; и

¹⁾ «*Drames philosophiques*», Paris, 1888, стр. 178.

²⁾ «Психологія, какъ мы ее понимаемъ, есть психологія безъ души», пишетъ, напримѣръ, Гефдингъ (Очерки психологіи, основанной на опытѣ, стр. 16 русскаго перевода 1892 г.)

³⁾ *Ioanni Ludovici Vivis Valentini De anima et vita libri tres*, Lugduni, 1555, стр. 40.

сообразно съ этимъ они тяготеютъ къ витализму. Одинъ изъ наиболѣе убѣжденныхъ виталистовъ Аутенритъ полагалъ даже, что субстанція жизни можетъ отдѣляться отъ матеріи такъ же, какъ субстанція души отъ тѣла. Для номиналистовъ же жизнь — это просто общее названіе для ряда сходныхъ явленій, лишенное какой бы то ни было самодовлѣющей онтологіи; и посему они рѣшительно отвергаютъ витализмъ.

Физическія и химическія теоріи тоже не чужды вопроса объ универсаліяхъ. Таковы были не только «философскія» эссенціи алхимиковъ, вродѣ универсальнаго философскаго камня, философской сѣры и ртути. Таковъ былъ флогистонъ или теплородъ. Ломоносову пришлось спеціально опровергать реалистическое пониманіе «теплоты» какъ въ физикѣ, такъ и въ богословіи: возражая тѣмъ, которые «вмѣняютъ теплоту за примѣшанную матерію», онъ считалъ не только гигиеническимъ, но и вполне каноническимъ, крестить дѣтей въ теплой водѣ¹⁾. Еще и въ настоящее время понятіе энергіи нерѣдко разумѣется реалистически какъ универсалія *altes*. Между прочимъ французскій филологъ Бреаль обращаетъ вниманіе на то, что еще и до настоящаго времени ученые относятъ такія отвлеченныя понятія, какъ матерію, силу, субстанцію, къ женскому роду, т.-е. безсознательно продолжаютъ традицію еще первобытнаго, досхоластическаго реализма, населявшаго землю, небо и воду производящими сверхъестественными, божественными силами женскаго рода²⁾.

II.

Если обратиться теперь къ общественнымъ вопросамъ, то можетъ показаться, что при всей своей универсальности споръ номиналистовъ и реалистовъ все-таки очень далекъ отъ этихъ вопросовъ, несомнѣнно реальныхъ и не номинальныхъ, но, повидимому, совсѣмъ въ другомъ смыслѣ. Однако, если вдуматься въ эти вопросы, то окажется, что они весьма даже причастны этому спору. Въ самомъ дѣлѣ, что такое реализмъ? Это, какъ мы видѣли, ученіе о томъ, что *universalia sunt realia*. Иными словами, понятіе общаго не есть только арифметическая сумма, логическая абстракція, какъ учатъ номиналисты, а представляетъ особую реальность, отличную отъ бытія единичныхъ предметовъ. И вотъ, если вдуматься хотя бы въ такой капитальный вопросъ, какъ отношеніе между личностью

¹⁾ См. Б. Н. Меншуткинъ, Михайло Васильевичъ Ломоносовъ, 1911, стр. 51 и 140.

²⁾ Michel Bréal, *Essai de sémantique (science des significations)*, Paris, 1897, стр. 275.

и обществомъ, то мы легко увидимъ, что здѣсь и возможны и дѣйствительно существуютъ два рѣшенія. И одно изъ нихъ нельзя не назвать номиналистическимъ, а другое реалистическимъ. Съ точки зрѣнія номинализма въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ, *universalia sunt realia post rem* или *post multiplicitatem*. И, значитъ, общество не является самодовлѣющею, независимую гипостасью. Оно представляетъ не болѣе какъ арифметическую сумму, собирательное понятіе, логическое отвлеченіе того, что является общимъ у входящихъ въ его составъ индивидовъ. Общество есть сумма, изъ которой индивиды вычитаются безъ всякаго остатка. Сообразно съ этимъ вполне естественно и даже неизбежно получается арифметическое, суммирующее, атомистическое рѣшеніе проблемы отношенія между индивидомъ и обществомъ. Нѣтъ противоположности, нѣтъ качественного различія между общественною и личною волею, между общественнымъ и личнымъ счастьемъ, между общественнымъ и личнымъ интересомъ. Есть только количественное отличіе. И, значитъ, всѣ социальныя вопросы рѣшаются путемъ сложенія и умноженія вопросовъ индивидуальныхъ. Чтобы получить общую волю, достаточно сложить воли индивидовъ, взятыхъ въ отдѣльности. Или, если считать индивидовъ равными, подобными и даже тождественными другъ другу, то достаточно взять любого человѣка и помножить его волю на сотни, тысячи или миллионы—и мы получимъ всеобщую волю, или равную волѣ всѣхъ, или по крайней мѣрѣ равную волѣ большинства. Такъ именно, т.-е. строго номиналистически, и разсуждалъ, какъ извѣстно, Руссо въ *Contrat social*. Чтобы съ номиналистической точки зрѣнія рѣшить проблему общественного благополучія или счастья, вполне достаточно помножить счастье единичнаго человѣка на возможно большее число. И мы получимъ наибольшее счастье наибольшаго количества людей какъ равное и даже тождественное со счастьемъ общества. Такова, какъ извѣстно, формула Бентама, широко пользовавшагося политической арифметикою и вообще номиналистическими понятіями въ своей социальной философіи.

Такова номиналистическая постановка вопроса. Реализмъ смотритъ на дѣло совершенно иначе. Общество разсматривается не какъ *unitas compositionis*, а какъ *unitas essentiae*, или, выражаясь терминами схоластика XIII вѣка Викентія изъ Бове, не какъ *universale logicum*, а какъ *universale metaphysicum*. Это особая реальность, обладающая дѣйствительностью внѣ индивида и помимо него, до него. Сообразно съ этимъ различіе личности и общества пріобрѣтаетъ уже характеръ различія не количественнаго, а качественного, и даже противоположности не двухъ величинъ, а двухъ

принциповъ. Одно дѣло личность. Совсѣмъ другое дѣло общество. У личности могутъ быть свои собственные интересы, свои желанія, своя воля, свое счастье. У общества — тоже свои. Отсюда возможность конфликта между личностью и обществомъ. Отсюда же и то одностороннее рѣшеніе вопроса, которое предлагаетъ социальный реализмъ, именно подчиненіе личности обществу. Вѣдь *universalia sunt realia ante res*. И, значитъ, личность обладаетъ конкретнымъ бытіемъ и правомъ на таковое лишь постольку, поскольку она подчиняется универсалии, поскольку она даже растворяется въ ней: вѣдь только благодаря своей причастности къ универсалиямъ отдѣльные предметы получаютъ конкретность и свое частичное бытіе. И, значитъ, индивидъ существуетъ, можетъ и долженъ существовать не самъ по себѣ и для себя, а лишь постольку, поскольку онъ созданъ обществомъ, изъ общества и для общества. Онъ — не факторъ, а продуктъ общества. И его индивидуальная «экзистенція» всецѣло поглощается социальной «эссенціею». Сообразно съ этимъ общественное благо, общественная польза и т. д. рассматриваются какъ нѣчто самодовлѣющее, генетически и принципиально болѣе существенное, чѣмъ личное благо, личная польза и т. д. Общественная воля рассматривается уже не арифметически какъ общая воля, воля всѣхъ или большинства, какъ воля въ смыслѣ Руссо, а метафизически, какъ самодовлѣющая всеобщая воля, какъ воля въ смыслѣ Гегеля. Словомъ, мы видимъ, что въ зависимости отъ номиналистической или реалистической постановки получаются совершенно различные отвѣты на вопросъ объ отношеніи между индивидомъ и обществомъ. Получаются тѣ два типа социальныхъ міровоззрѣній, о которыхъ писалъ еще Бональдъ: *l'homme se fait lui-même et fait la société; la société se fait elle-même et fait l'homme*.

Понятіе человечества, также какъ и общества, получаетъ совсѣмъ различное значеніе въ зависимости отъ номиналистической или реалистической точки зрѣнія. Для номинализма человечество — это не болѣе какъ арифметическая сумма человѣческихъ индивидовъ, не имѣющая помимо этихъ индивидовъ ни особаго существованія ни особаго значенія: и человѣческій родъ — это не болѣе какъ классификаціонное понятіе, родовая рубрика для одинаковыхъ или похожихъ другъ на друга существъ. Для реализма же человѣческій родъ — это кака-то реальная универсалія, это единое человечество, какъ особое, даже живое существо со своею особою исторіею и судьбою, со своими особыми задачами. И въ жизни человечества совершенно растворяется жизнь индивидуального чело-вѣка, растворяется настолько, что его право на самостоятель-

ное существование сильно ограничивается, а иногда и совершенно отвергается: такъ, напримѣръ, хотя Наторпъ, какъ кантіанецъ, долженъ былъ бы всегда цѣнить абсолютное значеніе каждой человѣческой личности, онъ тѣмъ не менѣе говоритъ, что индивидъ по отношенію къ человечеству это такая же фикція, какъ и атомъ. Контъ въ своемъ реализмѣ доходилъ до утвержденія, что реально только человечество. Съ точки зрѣнія реализма, все, что есть лучшаго, цѣннаго и вообще дѣйствительнаго въ отдѣльномъ человѣкѣ, должно быть отнесено насчетъ его участія въ человечествѣ, человѣчности, какъ универсаліи высшаго порядка. И въ такомъ именно реалистическомъ смыслѣ Гердеръ писалъ: «я бы хотѣлъ, чтобы слово человечество могло охватить все, что я до сихъ поръ сказалъ о благородномъ образованіи человѣка къ разуму и свободѣ, къ тонкимъ чувствамъ и влеченіямъ, къ нѣжнѣйшему и крѣпчайшему здоровью, къ наполненію земли и господству надъ нею»¹⁾. Не лишено интереса слѣдить за тѣмъ, какъ у иныхъ авторовъ номиналистическое пониманіе человечества борется съ пониманіемъ реалистическимъ. Такъ, напримѣръ, Гете на вопросъ историка Лудена о судьбѣ человечества²⁾ отвѣтилъ вопросомъ же: *die Menschheit? Das ist ein Abstraktum. Es hat von jeher nur Menschen gegeben und wird nur Menschen geben.* Однако онъ же въ другой разъ замѣтилъ: *die Menschheit schreitet immer fort, und der Mensch bleibt immer derselbe*²⁾.

Не только понятіе человечества, но и понятіе человѣка получаетъ совершенно различное значеніе въ зависимости отъ номиналистической или реалистической точки зрѣнія. Для реалиста человѣкъ— это не просто родовое понятіе, это предметъ вѣры, это нѣчто самоцѣнное, метафизическое. Для реалиста дѣйствителенъ прежде всего и по преимуществу идеальный, ноуменальный человѣкъ, идея человѣка. А феноменальный, эмпирический человѣкъ, отдѣльный экземпляръ рода человѣческаго потому именно и считается человѣкомъ, что онъ причастенъ этой универсаліи. И посему какова бы ни была его идиографическая фizioномія, каковы бы ни были его эмпирическія достоинства и недостатки, онъ имѣетъ обязанность быть человѣкомъ, но также и право быть имъ и требовать отъ другихъ, чтобы они признавали въ немъ человѣка и уважали это званіе: я — человѣкъ, и ничто человѣческое мнѣ не чуждо. Совсѣмъ иной взглядъ у номиналиста. Онъ повторяетъ вмѣстѣ съ Теклой изъ Шиллеровой пьесы *Die Piccolomini* (III, 5): *Lass*

¹⁾ Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit, Erster Theil, Viertes Buch, VI (I. G. v. Herders sämtliche Werke, zur Philosophie und Geschichte, Dritter Theil, Carlsruhe, 1820, стр. 184).

²⁾ См. объ этомъ Mosaik von Joseph Unger, Leipzig, 1911, стр. 51—2.

nicht zu viel uns an die Menschen glauben. Онъ не вѣритъ въ идеальнаго человѣка, въ человѣка вообще. Онъ нигдѣ не видитъ такого человѣка. Онъ видитъ только отдѣльныхъ конкретныхъ людей, отчасти похожихъ другъ на друга, отчасти совсѣмъ не похожихъ. Въ такомъ именно строго номиналистическомъ смыслѣ Жозефъ де Местръ писалъ: «конституція 1795 года сдѣлана для человѣка. Между тѣмъ въ мірѣ вовсе нѣтъ человѣка. Я видѣлъ въ своей жизни французовъ, итальянцевъ, русскихъ и т. д. Я знаю даже, благодаря Монтескье, что можно быть персіяниномъ. Но что касается человѣка, то я объявляю, что я его никогда не встрѣтилъ въ своей жизни; если онъ существуетъ, то совершенно безъ моего вѣдома». Человѣческое для номиналиста — это общечеловѣческое, но не въ реалистическомъ смыслѣ полноты идеальной человѣчности, а въ собирательномъ смыслѣ того немногаго, быть можетъ, даже ничтожнаго, что оказывается дѣйствительно общимъ у всѣхъ людей: *menschliches, allzumenschliches*.

Тѣ или иныя группировки людей — юридическія по сословіямъ и даже фактическія по классамъ — представляютъ опять-таки далеко не то же самое въ глазахъ номиналистовъ и реалистовъ. Номиналистъ видитъ въ нихъ просто группы лицъ, обладающихъ общими привилегіями или повинностями или же занимающихся одинаковыми профессіями: дворянство — это сумма дворянъ, крестьянство — сумма крестьянъ, буржуазія — сумма горожанъ. Реалистъ же видитъ во всемъ этомъ особую реальность, корпорацію, тѣла, обладающія особымъ духомъ (*esprit de corps*), особою жизнью, особою этикою, обязательною для входящихъ въ ихъ составъ индивидовъ. Благодаря такому сословному реализму могло возникнуть правило *noblesse oblige*. Благодаря ему неоднократно олицетворялось и превозносилось такъ наз. третье сословіе, бывшее для Сіейеса даже «всѣмъ». Неоднократно, какъ извѣстно, и рабочий классъ превращался иными социальными реалистами въ особую общественную универсалию.

Плодомъ такого сословнаго или классоваго реализма является реалистическое же отношеніе къ людямъ того или иного званія или занятія — къ дворянину, рабочему, священнику, судѣѣ, офицеру, врачу, студенту и т. п. Здѣсь на каждого эмпирическаго индивида соотвѣтственной категоріи надѣвается тотъ или иной, если можно такъ выразиться, метафизическій мундиръ или маска (*persona*), личина того или иного званія или профессіи. И эта универсальная эссенція совершенно заслоняется въ глазахъ реалиста дѣйствительное фактическое существованіе, настоящій обликъ даннаго эмпирическаго лица.

Въ спорахъ по такъ наз. женскому вопросу есть тоже свои номиналисты и реалисты. Реалисты аргументируютъ или при посредствѣ понятія человѣка, какъ метафизической универсаліи, которой причастна также и женская половина рода человѣческаго, или же, если они стоятъ на точкѣ зрѣнія болѣе узкаго «феминизма», при посредствѣ понятія женщины, какъ идеи женщины, заключающей въ себѣ такъ или иначе понятіе *das ewig Weibliche*, содержащей въ себѣ не только полноту всего фактическаго женскаго міра, но еще и значительный идеальный придатокъ. Номиналисты же упрямо ссылаются на отдѣльныхъ эмпирическихъ женщинъ и не желаютъ идти дальше обобщенія *per enumerationem simplicem*.

III.

Такимъ образомъ мы видимъ, что споръ, происходившій въ XI вѣкѣ, между Апсельмомъ и Росцелиномъ по вопросу объ универсаліяхъ, продолжается, въ сущности, еще и теперь, даже тогда, когда обсуждаются общественные вопросы. Здѣсь тоже постоянно сталкиваются два міровоззрѣнія, двѣ системы или по крайней мѣрѣ двѣ методы. Одна учить видѣть и признавать только эмпирію, эмпирію отдѣльныхъ индивидовъ и фактовъ. Другая учить видѣть въ мірѣ только общественные организмы, социальныя тѣла и тому под. образованія. Къ этому присоединяется еще то, что одна учить искать идею въ дѣйствительности, а другая, напротивъ, учить искать дѣйствительность въ идеѣ. И эта противоположность вліяетъ не только на публицистику, но также и на науку.

Такъ, напримѣръ, характеръ социологіи существенно мѣняется въ зависимости отъ того, разумѣется ли она номиналистически или же реалистически. Когда эта наука или, быть можетъ, только надежда на науку возникала, она была проникнута рѣзко реалистическимъ духомъ. Такъ, Контъ, при всемъ своемъ отвращеніи къ метафизикѣ вообще и къ схоластическимъ «сущностямъ» въ частности, пользовался понятіями общества и человѣчества какъ особыми реальностями, какъ универсаліями съ самостоятельнымъ бытіемъ, совершенно подчиняющимъ себѣ, если даже не уничтожающимъ бытіе отдѣльныхъ индивидовъ. Другіе социологи дошли въ своемъ реализмѣ даже до превращенія общества въ тѣло, въ биологическій организмъ и занялись описаніемъ его нервныхъ, питательныхъ и иныхъ функций. Иные социологи превратили въ социальныя универсаліи то, что они стали называть факторами человѣческаго общежитія. Особенно много напумѣла школа такъ наз. экономическаго

материализма: экономику, хозяйство, и притомъ не въ смыслѣ суммы индивидуальных хозяйствъ, а въ смыслѣ самосушаго общественнаго хозяйства, эта школа надѣлила такую потенцированную и привилегированную, болѣе того, монопольную реальностью, что, по ея ученію, не только индивидуальные хозяйства всецѣло поглощаются ею, но даже всѣ прочія проявленія личной и общественной дѣятельности людей представляютъ не болѣе какъ идеологию, надстройку, вообще нѣчто производное отъ хозяйственной универсалии. Однако не всѣ социологи примкнули къ реализму. Появились и номиналисты. Это именно тѣ ученые, которые поняли социологию какъ науку не абстрактную, а конкретную, описательную. Таковъ былъ Лепле, описывавшій типичныхъ индивидовъ и ихъ хозяйства для того, чтобы путемъ умноженія получить общество и его хозяйство. Таковъ былъ Спенсеръ — не тогда, когда онъ чересчуръ реалистически изображалъ общество какъ живой организмъ со всѣми относящимися сюда органами, а тогда, когда онъ собиралъ конкретныя, эмпирическія «данныя социологіи» и составлялъ таблицы социальныхъ фактовъ. Таковъ былъ Летурно, который терпѣливо, какъ муравей, собиралъ факты изъ жизни первобытныхъ людей и современныхъ дикарей, этихъ забытыхъ временемъ живыхъ окаменѣлостей доисторическихъ временъ, для того чтобы изъ массы эмпирическихъ данныхъ получить путемъ индукціи обобщенную картину происхожденія и сущности человѣческаго общежитія. Нѣтъ недостатка и въ такихъ социологахъ, которые стремятся къ компромиссу между номиналистическимъ и реалистическимъ пониманіемъ человѣческаго общежитія. Таковъ хотя бы Фулье съ его ученіемъ о «договорномъ организмѣ» или Тенніесъ съ его ученіемъ о двухъ типахъ общежитія — органическомъ, субстанціальномъ (*Gemeinschaft*) и механическомъ, собирательномъ (*Gesellschaft*) — и соответствующихъ имъ двумъ волямъ: одна — стихійная, универсальная, субстанціальная, фатальная воля органическаго общества, какъ такового (*Wesenwille*); другая — субъективная, индивидуальная, произвольная воля членовъ механическаго собирательнаго общества (*Willkür*).

Если обратиться къ политической экономіи, то и въ ней мы найдемъ своихъ номиналистовъ и реалистовъ¹⁾. Номиналисты довольствуются проблемою цѣны; реалисты же надстраиваютъ надъ нею еще проблему цѣнности, какъ особой, пребывающей въ товарахъ хозяйственной реальности. Номиналисты признаютъ только конкретныхъ людей и ихъ не менѣе конкретныя хозяйства.

¹⁾ Этой стороны экономической науки отчасти касается П. Б. Струве въ предисловіи къ своей работѣ «Хозяйство и цѣна».